

МЕТОНИМИЯ. СССР.

Игорь Васильев Андрей Семёнов

18+

**Андрей Семёнов
Игорь Васильев
МЕТОНИМИЯ.**

<https://litres.ru/74140968>

SelfPub; 2026

Аннотация

Могут ли летать дома? Есть ли жизнь в подземке? Летают ли люди по ночам? Как узнать смысл жизни и существует ли он вообще?

Ответы на эти вопросы и многие другие, возможно, предложит эта книга.

И главное - у каждого человека есть своя Пещера Судьбы.

Содержание

Метонимия	4
Дом	24
Бур и Пух	31
День моего рождения	46
Прометей	53
История о духе и теле	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Игорь Васильев, Андрей Семёнов МЕТОНИМИЯ.

«Давно уже грозился он прибрать комедию к своим рукам; давно с неудовольствием видел, что гордые комические писатели стараются смешить партёр, не заботясь о том, понимает ли их парадиз».

И. А. Крылов «Похвальная речь Ермалафиду, говорённая в собрании молодых писателей».

Метонимия

Метонимия — слово или выражение, употреблённое вместо другого, потому что между обозначаемыми ими предметами есть связь (не сходство).

(учебник литературы — шестой класс)

За окном давным-давно рассвело. Безуспешно борясь с приступом голодухи и жаждой покурить, я тупо и непрерывно смотрел на свой стационарный домашний телефон, который был отключён за неуплату, и ожидал чуда.

Мне мысленно представлялось, что кто-нибудь сейчас впихнётся во входную дверь и, раскладывая хрустящие бу-

мажные свёртки по письменному столу, спросит: и куда же ты запропал, друг? Мы тебя потеряли, беспокоились!.. А после этого заходящие друзья и знакомые будут по-товарищески бухтеть, постукивая литровыми бутылками, рюмашками, тарелками и вилками.

И на этом месте зазвонил телефон.

Я содрогнулся и покрылся необычайно холодным липким потом. Телефон демонической трелью встряхнул меня ещё раз.

— Алло? — пролепетал я в расколотую жёлтую пластмассу.

— Стрелка внизу «Садовой», в одиннадцать. Не опаздывай... — трубка щёлкнула и замолкла.

Ураган домыслов прошелестел в мозгах, пока дрожащая рука возвращала аппарату его абсолютно неделимую верхнюю половину.

Может, кто-то шутит? Разыгрывает от нечего делать... козёл! И тут же: это при отключённом аппарате!

Отринув сомнения, я бросился собираться и через полчаса был готов к приключениям.

Перебрав в голове возможных кредиторов, которые могли одолжить червончик до зарплаты, я таковых не нашёл. А возьму-ка я с книжной полки цикл Говарда, де Кампа и Лина Картера, да отдам за трояк лоточнику с книжного развала! Как раз хватит на пачку «Беломора», бутылку тёмного «Мартовского» и один жетон.

Было без четверти одиннадцать, когда голодный, но гордый, я прошёл через турникет и очутился перед эскалатором. Длинный, чёрный и шероховатый, как язык монстра, он медленно вовлёк меня в один из многочисленных желудков — станций, вынуждая ёжиться от социального страха.

Я не могу опускаться в метро без пива. По-моему, только сущие садисты определяют встречи глубоко под землёй, где даже кроты и черви уже не чувствуют себя дома... Большие фаллособразные декоративные светильники (тьфу на Фрейда!) освещают путь книзу, и от их тусклого свечения становится ещё неуютнее. Но пиво спасает. Возникает шальная мысль, что всё в жизни взаимосвязано и капли бархатного алкоголя свободно скользят по твоим внутренностям, так же как ты спускаешься на эскалаторе. Но размышления мимолётные и малозначащие. Существенно важнее мужчина в милицейской форме, смотрящий снизу наверх. Но и он мимолётен, едва проходишь мимо.

Кто всё-таки мог прописать стрелку? Последовательно пройдя «Садовую» от начала до конца, я не обнаружил ни одной хоть немного знакомой рожи. Надо же! Сказать о встрече и точно не установить места. Так... Голос был мужской? Естественно. С кем я когда-либо встречался на «Садовой»?

Лёха? Имелось разок. В настоящий момент он в Карелии, помогает приятелю кровлю ремонтировать. Может Тоха? Что ему здесь делать? Проживает на Большом проспекте, если бы ехал в центр — попросту заскочил ко мне. Дья-

вол! Наверняка он заявил на «Спортивной». Я не мог уже буквально вспомнить — телефон хрипел и перевирал слова. Но если сложить один к одному...

В пять минут двенадцатого, я был непоколебимо уверен, что мне необходимо на «Спортивную». В это время электрическая гусеница подползла к перрону и отворила свои пасти. Я бросился к ней и, подхваченный народной массой, и провалился в шоколадный сумрак.

В вагоне было тепло. Вошедшие со мной девицы чинно расселись вдоль тёмных окон. Некоторые извлекли косметички. Я одёрнул белоснежный фрак, поправил цилиндр и прошёлся по вагону, помахивая тросточкой. Между леди в мини-юбке и дамой с невероятно огромным бюстом имелось пустое место. Испросив дозволения, я присел.

— Как вы полагаете? — Обратился я к женщине, положив ладонь на её загорелые ножки. — Весна в настоящем году будет ранней?

— Что вы, сударь, — рассмеялась дамочка, и её тыквообразные груди волнующе заколыхались. — Придворный астролог недвусмысленно сказал, что на майские случится багровый снег. А Большой Инквизитор распорядился не отключать отопление в бараках до июня. Весна не может быть преждевременной.

— Ну да, конечно... — я глубокомысленно покивал. — Грандиозный Инквизитор никак не мог ошибиться. А как вы относитесь к теме, так популярной среди молодёжи, о суще-

ствовании жизни наверху?

— К сожалению, молодёжь забивает разум совсем бесполезными, я бы даже сказала, вредными идеями...

Леди чуть раздвинула ноги, дозволив моей руке на дюйм погрузиться между нежных ляжек.

— Юности свойственны заблуждения, сударь, — продолжила она, — не так ли? — Она наградила меня игривым взором.

В это время в вагоне моргнул свет и движение замедлилось.

— Извините, мне выходить, — откликнулась леди. — Не составите компанию?

— Безусловно. — Я поднялся и галантно подал руку, щёлкнув каблуками лаковых штиблет...

— Идиот, отпусти! — Я увидел разъярённое лицо Антоха. Он пытался отодрать от своего запястья мои побелевшие пальцы.

— А... мадам? — пролепетал я, очумело, озираясь на потоки людей.

— Какая, на хрен, мадам! — Рывкнул Антоха, наконец-то отцепив руку.

На нас стали посматривать. Некоторые с неприязнью, а некоторые с должным соображением.

— Сделай умную рожу и пошли отсюда. — Прошипел Антон и резко устремился к переходу.

Я еле-еле поспевал за ним, ориентируясь по знакомой кожаной куртке с бахромой. Внезапно он остановился, и я ударился носом промеж лопаток.

— Не успели. — Он обернулся, тоскливо глядя на зияющую пустоту туннеля.

От этой кутерьмы мой правый глаз стал двоить. Такое явление в практической психиатрии называют офтоглоутопией. Когда один глаз видит обычно, а другой раздваивает перспективу и образовывает фикцию двух представлений, зеркально отодвинутых друг от друга. Если держать оба глаза открытыми, то между двумя картинками чётко видна третья.

И там я заприметил четыре безголовых тела, твёрдо марширующих в нашу сторону.

Я живо проморгался — как правило это помогает, и закрыл глаза. Здесь же заработал затрещину.

— Не опускай веки, — предупредил Антон. — Чем дольше их не видишь, тем скорее приблизятся. — Его взор был устремлён на туловища.

— Безголовые? — тупо переспросил я.

— Сам ты безбашенный! — Антон осторожно потянул меня к остановке первого вагона.

В башке, как в доме Облонских, всё смешалось. Разве Антон видит их по-другому? И вообще: что в этом месте происходит, чёрт возьми?!

— Кажется, нам везёт. — Произнёс попутчик, но я ничего не понимал.

Из тоннеля задул ветерок, упреждая появление электропоезда. Я непроизвольно кинул взгляд на часы. Они показывали пять минут двенадцатого! Воздух наполнился своеобразным запахом пироксилина, Антон впихнул моё тело в подошедший поезд, чего-то крича, и двери захлопнулись.

Их по-прежнему было четверо. Вместо голов торчали матово-чёрные каски с узкими прорезями бронестёкол, поблескивающих в свете плафонов. Антон, в коричнево-зелёном камуфляже закрывал меня, придавливая к торцевой двери вагона.

В правой руке я обнаружил чрезвычайно тяжёлый «Стечкин» с глушителем, калибра девять миллиметров. Антон быстро вскинул руку, и из его «флотского кольца» рванулось острое пламя. Крайний левый схватился за ногу. Глухо клацнул затвор, выпуская последнюю гильзу. Мне отчего-то стало до безобразия смешно. Патроны, как в детском сновидении, вечно заканчиваются не вовремя.

— Долби! — призвал Антон и запустил пистолетом в атакующих.

Не успел я поднять оружие, как плечо пронзила острая боль. Перехватив пистолет в другую руку, я почувствовал, как Антон заваливается на меня, принимая град пуль.

Стекло не выдержало веса и разлетелось вдребезги, впиваясь осколками в спину. Судорожно нажимая на курок, я заметил, что ещё один из нападавших рухнул.

Переваливаясь в соседний вагон, я увидел лицо Антона. Одна из пуль вошла в бровь, вторая в щеку. Пулевые отверстия расширились, и вскоре, у него пропало полголовы. Безжизненное тело шевельнулось. Отпихнув его, я кувыркнулся, стукнувшись раненой рукой. Вопя от боли и отчаяния, перезарядил пистолет и, опустошая обойму, бросился через пустой вагон к следующей двери.

Выстрел — два шага. Боль от отдачи — ещё два шага. Выстрел — три шага. Отдача — ответный выстрел — три шага. Выстрел в стекло — прыжок — кувырок — боль — выстрел в противника...

На последней, третьей обойме, нападавшие отстали. Наскоро перевязав рану отодранной от штанины полоской, я лихорадочно подсчитывал свои шансы выжить. Внезапно состав резко дёрнулся и встал. Едва-едва устояв на ногах, я бросился к открывающимся дверям. Но за ними была тёмная от копоти и грязи глухая бетонная стена.

«Осторожно, стены опускаются! — Забубнил противный мужской голос. — Следующая действительность — Ново-черкасская».

Бетон с немислимым грохотом начал крошиться, поднимая невероятно огромные клубы пыли, сажи и воню. Несколько стахановцев долбили его по краям отбойными молотками, а один колотил по центру большой кувалдой, от которой при ударах отскакивали искрящие осколки. Стараясь протереть глаза, я сделал шаг вперёд. Потом ступил ещё

раз, и, наконец, побежал.

— Куда прёшь?! Налыют глаза с утра и не видят ничего!
— визгливые вопли принадлежали толстой бабке, в которую я упёрся головой.

— Простите, — прохрипел я, откашливаясь, и, разлепив веки, увидел стены, покрытые рыбьей чешуёй.

— Ещё и оправдывается, наглец!.. — Бабка легко толкнула меня бюстом, отбросив на пару шагов. Рана не болела уже и не кровоточила. — Хамло, гад, укатывать эдаких надо. — Не унималась тётка.

— Желающих много, — отвернувшись, я в сердцах плюнул.

Ну что сегодня за день! Милиционер, появившись не вовремя, положив одну руку на резиновую «демократку», уже направлялся в мою сторону. Какого беса меня забросило на «Площадь Александра Невского»? Ведь голос по телефону ясно объяснил, что «стрелка» на «Садовой» в одиннадцать. А сколько сейчас? Электронное табло убедительно показывало одиннадцать ноль четыре и шестьдесят шесть секунд. На этой станции мне делать было совершенно нечего, и я вбежал в распахнутые двери, которые тут же захлопнулись.

В вагоне было тепло, если не сказать, жарко. Я сел на услужливо освобождённое кем-то место и придал лицу выражение чрезвычайно глубокой задумчивости. Сильно чесался правый, немного треснутый рог — результат недавнего препирательства с полномочным представителем наилевейших

масс.

— Черти добрые, па-а-мажите чем можете, — в левое ухо влезал опостылевший плач. — Сами мы не местные — попали сюда случайно. Мамки, папки у нас нет, людей поджаривать не умеем, перебиваемся подаяннем. Очень хочется пить, есть, да и переночевать хорошо бы на периночках. Не оставьте сироток без внима-а-ния!..

Три экстремально грязных и оборванных ангелочка, прихрамывая, пробирались, между сидящими пассажирами. Находились такие, кто вынимал пару грошей и бросал на пол. Ангелы тут же их подбирали, раскланивались, и, заглядывая в глаза, костыляли далее.

— Нет, ну вы подумайте! — тощий, непоседливый чёрт, сидящий подле, всплеснул руками. — Так они скоро будут свободно разгуливать в правительственных вагонах. О чём только думают в Нижней Думе? Давно пора выпустить указ, запрещающий всем побирушкам входить в вагоны не только первого, но и второго класса.

Было совершенно очевидно, что свою красную книжечку он получил совсем недавно.

— В Думе давно запутались в собственных думах, — усмехнулся толстяк напротив, притопнув копытом.

— Вот, вот, — обрадовался поддержке тощий. — Только подумайте, куда мы припрёмся с таким правительством. В наше время ведь нормальному бизнесмену невозможно работать. Я посредник по торговле. — Внезапно предста-

вился он и, выдержав паузу, продолжил. — Ведь что творится? В минувшие времена за человеческую душу давали полноценных тридцать сребреников. А теперь? Полагаете двадцать? Десять? Пять?! Нет, уважаемые господа. Ныне за неё дают три гроша. Три... Гроша! Представляете. Ад, оказывается, переполнен. Полновесный сребреник дают только лишь за священника... Наверху, оказывается, всё давно наше. Там нету архитекторов человеческих душ, нет создателей — они мамонты, которые окончательно вымерли. Есть богатый, бедный и нищий **народ**. Где Человек? Отсутствует!.. Поэтому расценки упали. Самые популярные люди, владеющие человеческим вниманием — сатирики и эти... как их... звёзды поп-музыки! Я не могу так работать. Неинтересно. Чтобы прокормить семейство — я должен сдавать души целыми партиями, митингами, тусовками, стадионами. Но даже для этого приходится бороться с конкурентами из Америки, Азии и, представьте себе, Африки. Не поймите меня неправильно, господа, сначала я весьма обрадовался. Не нужно было подлизываться, нашёптывать, льстить каждому отдельно. Подходишь, предлагаешь и он немедленно: «Сколько?» Мы всегда договаривались и били по рукам. Но теперь ко мне непрерывная очередь. Их много, а денег хотят больше и больше. И я прихожу к мысли, что мы несколько поторопили события. Надо действовать пластичнее, мягче...

— Да прекратите вы свои диссидентские разглагольствования. Хотите, чтобы мы позволили ангелам снова взяться

за старое?! Ещё скажите, что вам не приходится по сердцу разрушенные музеи, кровавые детективы, и, да простит меня Большой Папа, триллеры?!

— Представьте себе, не нравятся. Я сам не мало содействовал этому, но теперь терзаюсь угрызениями совести. Нашей гильдии торговцев надобно было уследить, чтобы товар не падал в стоимости. Мы же, погнавшись за мнимым барышом, первые оказались в проигрыше. И поэтому я зол на попрошайек ангелов. Они должны отрабатывать свой хлеб. От нашей Гильдии я обращаюсь к депутатам Средней Думы, членом которой являюсь, с требованием...

«А ведь он может долго молоть подобную чушь, — уныло подумал я, — и наверняка пролезет в Низшую. До Папы его не пустят — Папаша болен. Но кое-кому мысль может показаться довольно оригинальной. Я даже знаю кому. Надо быстро взять этого балабола на заметку и переговорить с Вельзевулом».

— Вот моя визитная карточка, — я протянул ему картонку, поднимаясь. — Зайдите ко мне в пятницу. Приёмные часы там написаны. — И, кивнув двум личным охранникам, цокая позолоченными копытами, вышел из вагона.

«Надо запомнить это место», — подумал я, совершенно не понимая для чего.

Меня принял пустынный перрон какой-то недавно открытой станции. Пахло цементом и резиной. В дальнем конце нудно мигала длинная неоновая лампа.

— Пароль? — вдруг тихо спросили сзади.

Я попытался обернуться.

— Не оборачиваться. Пароль?

— Да пошли вы все на!.. — крикнул я, захлёбываясь слюной и накотившимся гневом.

— Правильно, — спокойно утвердил голос, и моя задница получила мощнейший удар.

Я грохнулся и юзом помчался прямо к рельсам. «Сейчас упаду, — подумал я, — и обязательно разобью нос». Но вместо этого что-то невидимое подхватило меня и потащило в черноту тоннеля.

В вагоне было до безобразия горячо. Тут и там сидели полуголые мужчины и женщины. Все бородатые. Женщины за компьютерами, а те, что в бюстгальтерах, за ноутбуками.

— Привет бойцам невидимого фронта! Салют единомышленникам партизанского движения! — громогласно заявил я и погладил бороду.

В ответ раздались одобрительные возгласы. Старшие по чину вставали и по очереди здоровались. Помощник пододвинул стул, и я сел к столу, положив ладони на карту метро с пометками подрывной деятельности.

— Ну-с? — спросил я, — кто будет докладывать первым?

Сидевшие многозначительно переглянулись. Поднялся поджарый и неизвестно где загоревший статс-прапорщик.

— Вчера на первой ветке рванули участок в десять метров, — буднично забубнил он, — и утащили сто метров

медного кабеля. Сегодня, сегодня... — прапорщик сверился с пометкой на руке, — подложили на третью ветку килограмм пластида. Нашли, сволочи. Сейчас ребята должны притащить из тупика основной состав на четвертую. В аккурат за поворот — не успеет затормозить... Всё.

Я кивнул и сделал пометки на карте.

— Дальше?

Кто-то натружено кашлянул.

— Это, командор, того... Взрывчатки не хватает.

— Будет вам взрывчатка, ребяташки, всё будет. Как только заблокируем вторую, прорвёмся на склады, там и разживёмся. Будем мочить гадов там, где достанем! — с пафосом добавил я. — И в сортирах тоже.

Теперь поднялся седовласый статс-поручик.

— Приняли в наши ряды тринадцать бойцов. Проверили по полной схеме. Два перебежчика, четыре предателя. Все шестеро расстреляны без суда и следствия.

Я кивнул секретарю, и она внесла поправки в текущие списки.

Поручик сел, и пауза затянулась.

— Что скажет разведка?

— А ничего хорошего, — откликнулся разбитной подполковник со щегольски подстриженной «шотландкой». Был он явно под хмельком. — Эти п... из службы имущества ни х... не дают. Просишь, просишь, как нищий. В чём вылазки делать, ё... в пасть.

— Подполковник! — рыкнул я. — Не забывайтесь.

— Прошу прощения, командор. — Шеф разведки вско-
чил, вытянув руки по швам. — Но в тех лохмотьях, что нам
выдают на складе, в переходах и то стыдно появляться.

— Ага, — возмутился рыжий капитан, — на прошлой де-
каде им выдал джинсовые костюмчики. Так они сменяли их
на деньги и пропили!

— Врёшь, падла! — подполковник зло зыркнул на капи-
тана. — Командор, бля буду, век подземки не видеть!..

— И ещё ботинки, — вставил рыжий. — Натуральные
берцы, между прочим...

Перебранку прервали две статистики из службы прикры-
тия.

— Преследование по первому уровню нападения!..

— Три группы захвата, по пять единиц. Вооружение —
стандартное.

— Включить программу ухода, — почти автоматически
откликнулся я. — Встретимся через десять минут в обозна-
ченном пункте.

Здесь же лихорадочно заработали пальцы статисток, вы-
страивая в подземном эфире компьютерную сеть из обход-
ных путей и лазеек, по которым, сначала наши виртуальные
фантомы, а потом и мы сами, окажемся в безопасном месте.

Через считанные секунды стали колыхаться и таять фигуры
начальника штаба, его заместителя, зама по тылу... Послед-
ними исчезли статистики и я, бросив на стол кумулятивный

заряд.

Встретившись со своим двойником, где-то на задворках программы, мы с ужасом заметили, что в нас присутствует кто-то третий.

«Лазутчик?!» — подумал я.

«Простой человек». — Презрительно заметил виртуалист.

Мы оба знали, как поступают в аналогичных случаях.

«Знает ли об этом третий?» — мелькнуло в моём теле, прежде чем руки сорвали кольцо с вирусной гранаты.

Жару уже трудно было переносить. Но мужская гордость заставила ещё раз хлестнуть веничком по спине, бодренько вскрикнуть: «Эх, хорошо!» — и степенно выйти из парилочного вагона в предбанник.

Там стояла огромная лохань с холодной проточной водой, куда я бросил своё распаренное тело. Белокурая русалка приятно пощекотала спину хвостом, и, выпрыгнув из бадьи, я почувствовал себя намного счастливее.

— Давай, давай, мил человек. — Два степенных старичка сидели за дубовым столом, ласково поглядывая в мою сторону, — кваску после парилки — дело безгрешное.

— Эн, точно. — Я почесал свою волосатую грудь, и, выжав бороду, подсел третьим. — За знакомство!

Они рассмеялись.

— За первый парок, дорогой. А знакомы мы и так давно — Тот, что пониже, подмигнул второму, и они, крякнув,

осушили по расписной литровой кружке. Махнув на всё рукой, я тоже приложился к квасу и не мог оторваться, пока не показалось дно.

— Знакомы, так знакомы — вытерев усы, сказал я. — Только парилка мне всю память отбила. Не представитесь ли снова.

— Чего же не представится. Я домовый, — низкий привстал и поклонился, — а он водяной. — Тот, что повыше кивнул. — Вместе же — здешние банщики.

Я присвистнул, на что мне здесь же ответил гудок прошедшего электропоезда. Унылые люди вглядывались в темноту и ничего не видели. Они торопились по своим делам, а я... Что я здесь делаю?!

— Не свисти, денег не будет. — Погрозил пальцем домовый.

— Их и так нет. — Я махнул рукой.

— Ну, не скажи. Что-что, а деньги — дело наживное. Не надо их отпугивать.

— Бог с ними. Ты лучше скажи, что вы здесь делаете?

— Как что! Домовой должен быть у всех, даже под землёй. Хозяйство, видишь, какое большое. А водяной... Водичка, вот она, — он похлопал ладонью по срубам бани, — за стеночкой.

Хозяин опять подлил кваску.

— Да. — Я задумался. — Может быть. А я, что в этом месте делаю? И вообще, кто я такой?!

— Ты, сынок, **паришься**. А хочешь побольше узнать, спроси у него — он кивнул, показывая на кого-то у меня за спиной.

Я оглянулся.

— Братан! — Передо мной, с рюкзаком за плечами, в резиновых сапогах и песчанке, стоял Сашка, Сашок, свет моих глаз, с которым мы не видались, дай бог памяти, года три. — А я смотрю, ты или не ты.

— Саня, здорово. — Мы обнялись. — Какими судьбами?

— Да вот, из творческой командировки, недавно. Прости, братан, рад тебя видеть, но опаздываю здорово. Электричка с Финбана вот-вот уйдёт. Ты ждёшь кого?

— Да нет, наверное, — я ещё раз оглядел подземный переход на Садовой. — Так, просто гуляю.

— Прости, я тебе звонил, звонил, да никто к трубке не подходит. Да, чуть не забыл. Ты мне когда-то столярник одалживал. — Он полез в карман и достал несколько купюр. — Извини, что так задержал. Приеду, поболтаем. — И всучив мне деньги, махнул рукой, прощаясь.

Я ничего не понимал. Глядя вслед Саньку невидящими глазами, я вдруг подумал, что всё это нереально, этого не может быть. Сжимая в руке деньги, я устремился к ступенькам, отделяющим меня от солнца, и, чуть не оттолкнул старушку, еле поднимающуюся по лестнице, с двумя торбами.

— Извините, пожалуйста, простите. — И здесь спасительная мысль пронзила моё сознание.

— Бабушка, не подскажите, который час?

Она неодобрительно посмотрела на меня, поставила торбы, и сухой ручонкой залезла в одну из них. Долго что-то перебирала, потом достала большой будильник, подслеповато взглянула и произнесла:

— Двенадцать минут двенадцатого, внучек.

Стена рухнула... Метростроевцы, долбящие тоннели в моей башке, исчезли. Электричка, мчавшая по извилинам, дала прощальный гудок и растворилась. Солнце показывало дорогу наверх.

— Спасибо, бабушка — я перевёл дух. — Давайте помогу.

— Да сама я, сама, внучек. — Она опять взглянула как-то странно. — А ты бы не носил порчу на себе. Сделай всё похорошему, ни к чему это. — И, подняв обе котомки, легко поднялась.

Я замер. Неужели снова? Нет, хватит. Пойду выкупать старого доброго Конана из Киммерии, который всегда знал чего хотел, и ненавидел всякую ерундику.

Часа через два, попивая бархатное пиво у себя на диване, я перечитывал третий том приключений Конана. На душе было легко и спокойно. Перевернув очередную страницу, увидел вчетверо сложенный листок, который хотел отбросить в сторону, но вместо этого развернул... Чёрт! Квитанция междугородних переговоров. Точно, в прошлом месяце пытался позвонить одной давней подруге, но ничего не по-

лучилось. Там даже трубку никто не поднял. Когда пришла эта квитанция, я подумал, что ошиблись, и тут же о ней забыл. Ничего не поделаешь, надо ехать на Синопскую. Лучше прямо сейчас. Правда, обидно. Дорога будет стоить столько же, сколько нужно платить. Сумма больно смехотворная.

Шесть рублей шестьдесят шесть копеек.

Дом

Настоящий двухэтажный дом с невыразительными колоннами, с полусгнившими затворными рамами, осыпанными угольной пылью и прокопчённой атмосферой во флигелях, над которыми гордо реяли немного согнутые флюгера, с полукруглой башенкой вместо берета, находился около набережной одного из многочисленных городских каналов.

Вы можете (если очень-очень захотите), неожиданно узнать данное место по развесистым лопухам, которыми сильно зарос пустырь — временное пристанище страстных любителей посидеть на корточках. А за не терпящим будничной суеты занятием, после коего как нельзя кстати приходится мягкие, душистые, чуть тронутые благородным молочным налётом листы, вы точно услышите рассказ старожилы новоявленному посетителю о том, что...

Большей частью Дом не любил вспоминать о прошлом. Возвращаться к своей юной самовлюблённости, когда в окнах с лепными карнизами искрились влекущие огни свечей, отражаясь в дремлющем канале. Светские дамы, поддерживая широкополые шляпы с бантами, шурша бархатными вечерними платьями, сходили из экипажей, поспешая погрузиться в круговорот восхитительного бала.

О том, как его закруглённый бока порочили багровыми пятнами. И люди в кожаных куртках и плащах, матерно чер-

тыхаясь, неизвестно куда уносили других — безмолвных и недвижимых. О завываниях длинноволосых юнцов под расстроенную гитару в лунные ночи. О непрерывных поселениях и выселениях «жильцов», наполняющих его мысли бессодержательной повседневной сумятицей. О странном «капитальном ремонте», после которого раскалывались все внутренности.

О многом не любил припоминать пустой запущенный Дом с потускневшей медалью — вывеской «Охраняется государством...», прикрывающей огромную расплзающуюся трещину.

Дом любил размышлять о будущем. И подслушивать мысли поэтов и мечтателей, изредка заселяющих какую-нибудь квартиру. Или грезить вместе с влюблённой девушкой о прекрасном и никогда в жизни не виденном. О добросердечном.

А ещё он любил рисовать. Звёздными ночами бросал в небосвод энергию, накопленную стенами. Он творил двери, стулья, тарелки самых причудливых конфигураций и размеров... Но люди бросили Дом. А писклявые, вечно дерущиеся крысы и заблудшие кошки не могли наполнить его даже крошечной долей былого воображения. Последний год Дом медитировал. Или дремал — для разнообразия.

Но однажды всё переменялось. Он почувствовал внутри себя чьё-то присутствие. Это не было краткосрочным визитом желающих «облегчиться» или поелозить вдвоём на грязных матрасах. Нет! Здесь ощущались подлинныи жильцы и

не один, а несколько. Вслушиваясь в неторопливый разговор, Дом осознал, что его нередко сравнивают с каким-то иным Домом, откуда их выгнали. И находят нынешний лучше и теплее. Это было приятно. После, когда постояльцы слегка обжились, принесся со старой свалки немудрёную мебель — комнаты заполнились мыслями, сопеньем, звоном стеклянной посуды и разговорами. Дом опять становился оживлённым.

В квартире, на втором этаже центральной парадной, трое мужчин, обросших и грязных, неизменно спорили о Мироздании. Двое убеждали третьего, что ничего случайного во Вселенной не случается, поскольку она сотворена Богом. Их оппонент — закоренелый атеист, поднаторевший в софистике и неокреационизме, силился всё опровергнуть. Временами это получалось.

Мужчина и женщина этажом ниже, обыкновенно ссорились вполголоса, или, выпив раздобытую бутылку с жидкостью для протирки стёкол, елозили на койке, напоминая случайных посетителей. Случалось, что женщина уходила в соседнюю парадную и там тоже елозила, принося сожителю хлеб и колбасу.

На чердаке, среди дымоходов, миролюбиво обитали сиротливое привидение и коричневый инопланетянин, отставший от своего корабля. А в подвале, разогнав полчища крыс, вершила свои загадочные обряды секта поклонников странного рогатого существа. Когда привидение и инопланетянин

спускались к ним, проходя сквозь деревянные перекрытия, сектанты впадали в экстаз и рвали на себе одеяния. Но жители чердака в безмолвном согласии проходили мимо и направлялись к философам, чтобы послушать рассказы о себе и поддержать их в споре. Привидение разделяло точку зрения мыслителей, а инопланетянин — атеиста... Дом блаженствовал. Он опять мог мечтать о будущем и рисовать узоры на небосклоне.

В один из знойных июльских дней, противоестественное чудовище, пахнувшее соляжкой, с разбитыми стёклами и рунической надписью «ДТ-100», прикрываясь металлическим щитом, подъехало к правому, ближнему от дороги углу, и стало тщательно готовиться к разбойному нападению. Невысокий мужчина в ковбойской шляпе, соскочил на землю, раскрыл малиновую папку, сверился с документами и махнул сидящему в кабине: «Давай!»

— Обед. — Лениво отозвался тот и демонстративно заглушил мотор.

— Павел! Павлик... Время не ждёт. Время — деньги!

— Здоровье на денежки не купишь. — И Павел вытащил из-под сиденья поллитровку. — Третьим будешь, Сергеич?

— Нет! Вам полчаса перекусить и, чтоб к вечеру на этом месте был пустырь, ясно? — последнее слово Сергеич не выкрикнул, а хрюкнул, после чего вприпрыжку помчался в сторону рюмочной.

— За коньячком... — задумчиво изрёк Павлик и, повер-

нувшись, толкнул в бок напарника. — Петруха, поднимайся, что ли, обед...

— Обед — дело святое. — Взлохмаченный Петруха стал выбираться из кабины.

— Хороший дом. И государством охраняется. Когда-то богатей какой-нибудь жил... — сказал Павлик, осматриваясь по сторонам.

— А теперь поставят коробку девятиэтажную.

— Ты бы хотел в таком жить?

— Не знаю...

— А я нет. Ну, ладно, на, наливай...

Совместно с Домом разговор слушали все жильцы. Или практически все. Сектанты, стремглав собрав манатки, старались незаметно улизнуть через окна, выходявшие на свалку. Мужчина и женщина гордо вышли через парадную. Женщина, проходя мимо рабочих, так нахально виляла чем-то, просвечивающим через юбку, что те поперхнулись.

А философы спали. Они спорили до утра и не слышали угрюмого рокота трактора.

Призрак не мог выйти на улицу при дневном свете, и предложил инопланетянину переселиться в подвал, и дожидаться темноты. Коричневый брат сказал, что лучше аннигилировать трактор вместе с трактористами, и тогда всё будет по-старому. Но привидение ответило, что обязательно приедет милиция и арестует философов, а Дом всё равно превратят в развалины. Тогда инопланетянин зевнул и аннигилировал

сердце чудища — мотор. Это давало временную отсрочку и возможность детально обсудить, каким образом поступить дальше. Стоит ли растворить в пространстве всю милицию, трактора и трактористов Города из-за этого Дома?..

Дом тоже думал. Он осмысливал прожитую жизнь, припоминая «квартирантов», и внезапно постиг, что проскрипел её скучно, однообразно. И теперь его хотят истребить, сровнять с землёй, растоптать, а на этом месте воздвигнуть монумент безликой архитектуры, неотличимый от всех прочих жилищ, с такими же неотличимыми друг от друга человеческими существами внутри. И он никогда не увидит леса, из деревьев которого сделаны его полы. И карьеров, откуда извлекался песок и глина для кирпичей... Нет и нет! Он не должен смиренно ожидать своей участи, уготованной разрушителями. Он непременно что-нибудь придумает. И будет жить...

Павел и Пётр, распечатав другую бутылку, почувствовали диковинное покачиванье почвы и, здесь же увидели, как Дом, стоявший рядом с ними, взмахнув потрескавшимися флюгерами, поднатужился и взмыл в небо.

Он летел, покачиваясь, качая огромными выросшими крыльями, и, вскоре потерялся за рваными облаками, всё быстрее и быстрее устремляясь к Луне.

Они не ведали, что философы, мирно похрапывающие в одной из комнат, прекрасно приспособятся к отсутствию земной атмосферы, а инопланетянин, наведываясь на Зем-

лю, будет приносить им продукты и воду. Привидение же, сможет показать атеисту Бога.

Они не знали, что Сергеич, через два с половиной часа, похвалит их за хорошую работу, называя Павлика — Савлом, а Петруху — Симоном. Они не знали, что с данной минуты навсегда бросили пить «горькую»...

Они ещё ничего не ведали из того, что постигнешь ты (если, конечно, очень-очень захотел), благородный слушатель, сидя среди раскидистых лопухов на пустыре. Но, узнав всё это, не забудь сорвать самый крупный лист и сделать всё как положено. Обязательно не забудь.

Бур и Пух

Ночь. Обычно жёлтые снежинки, не замечая оцинкованной крыши и трёх этажей над комнатой, падают прямо на больничную койку, к которой я привязан. Они хихикают, последовательно проходя сквозь моё лёгкое тело, и, смех их мило щекочет желудок и печень — самые грузные части организма. Если бы не они, то ремни не удержат меня здесь. Хорошие люди, желающие, чтоб все были одинаковые, как монотонно тикающие секунды, дёргающие за колючки стоящий в углу коридора кактус, привязывают нас с соседом на ночь. Сосед стабильно тяжёлый. Когда он принимает строго вертикальное положение и поворачивает голову, то начинает проваливаться под землю. Гранит, железные балки, металлические трубы — ничто не является для него препятствием. Только мыльная пена в душе. Стоя на ней, сосед (я назвал его Буром), чувствует себя сдержанно и уверенно.

Бур сильно боится исчезнуть из этого мира. Он несколько раз доходил до плотной плазмы и заявляет, что ничего хорошего под землёй нет. Но и здесь ему не нравится. Оттого страшно завидует своему соседу. То есть мне.

Обычно я чрезвычайно лёгкий. Если не кушать несколько дней, то Пух (так величают меня Бур и хорошие люди в халатах) начинает летать. Порхать над городом, возносясь, всё выше и выше. Облака удивительно напоминают малость под-

моченную сахарную пудру. Её раздвигаешь руками, и пудра прилипает к ладошкам, чесоточной пастой марает одежду, остаётся между пальцами ног. Но я крайне боюсь воды. Заметив вдалеке грузную дождевую тучу, тут же пробиваюсь сквозь облака, пока не увижу звёзды. Космос мне нравится. Там не путаешься в запахах. (Если кто не курсе, они бывают приятные и омерзительные. Первые делают тебя тоньше и стремительнее, а вторые заполняют вонью так, что приходится стучаться о землю увесистым смрадным телом). В космосе не обдираешь кожу о навязчивые цвета. Там спокойно. Космические обитатели не требуют, чтобы ты походил на них. И они ничего не имеют против людей, которые хотят полетать рядом с ними.

Я немножко поворачиваю голову и вижу окно. На улице темно. Чёрный цвет — один из немногих, который не ранит. Ещё фиолетовый. Время, когда чёрный впитывает окружающее пространство, а оглушительная тишина обрушивается сверху — самое приятное в жизни. Кожа начинает вибрировать, воздух проходит сквозь тело, и ты взлетаешь...

Но здесь постоянно включена электрическая лампочка в углу. Её свет не ранит, но воняет, как скунс. Интенсивнее этого запаха, только храп Бура. Он обжора. Ежедневно проглатывает все таблетки, которые дают. А после смрадно храпит, не позволяя мне даже мысленно выскользнуть из ремней. Я тоже проглатываю лекарства, но добрые люди не знают моей тайны. Пух отправляет таблетки мимо тяжёлого же-

лудка, и они обыкновенно застревают в левой пятке. Стоит только посильнее дёрнуть ногой, как все таблетки, с грохотом падают на пол. Мне приходится одновременно петь, чтобы никто не услышал, как они катятся. Но если кто-то из добрых людей и догадался о моей хитрости, то точно никому не сказал. Они, как и Бур, сами обожают лекарства. Подбирают за мной и съедают. Пусть, я не жадный.

Скоро утро. Заявятся люди, насильно заставят подниматься и поведут изливаться из себя воду. Можно пока притвориться, что я спал всю ночь. Закрывать глаза и слушать смех снежинок. Я крайне не люблю утро. Потому что включают длинные ванильники, и до первого укола, нежное естество Пуха со всех сторон будет атаковать дерьмо. Стыдно признаться, но я уже привык к этому. И чтобы оправдаться перед собой, долго и тщательно лью слезы.

Пришли. Испуганные снежинки вылетают в один из шестидесяти четырёх ходов вентиляционной решётки. Сегодня людей трое. Двое поведут умываться Бура, а один Пуха. Привычно защёлкнув деревянную прищепку на моём носу (он знает, что запахи люминесцентного света просто убивают меня), человек расстёгивает ремни и, поддерживая, ведёт в сливную. Сегодня дежурит наивный. Он не подозревает, что Пух хитрит и может через ухо залететь в его голову. У наивных там всё чрезвычайно просто. Можно кувыркаться от стенки к стенке, попинывая мысли, которые круглые, пористые и бесцветные. Они легко продавливаются и пружинят.

Другое дело у хитрых. Там на целые три четверти острые глыбы, о которые можно больно пораниться. Иногда глыбы взрываются и приходится пользоваться аварийным люком — через нос. И тем не менее, Пух успевает прочесть мысли.

Но опаснее всего у хитрых и умных. Эти неизменно удерживают тебя на дистанции и усыпляют бдительность каверзными вопросами. Однажды, мне удалось незаметно пробраться через уголок глаза. Сперва кажется, что здесь царит абсолютный хаос. Но, присмотревшись повнимательней, понимаешь, — это обусловленная уловка. В кажущемся бедламе острыми иголками торчат слова и целые словосочетания. Я находился там недолго и успел выскользнуть до того, как меня засекли. Но до сих пор при виде хитроумных возникает одна и та же картина — ослепительно-белый шар с надписью: периодическая шизофрения, осложнённая глубокой депрессией, и выстреливающие иглы — слова: прогрессирующая мышечная дистрофия, имзоаффективный психоз, от которых разлетаются маленькие дробтики литер — хлор диметиламинопропил фенотиазина гидрохлорид...

Мой наивный сегодня злобный. Он переругивается с волокущими Бура, сердясь на «долбанных хроников, из-за которых не успел выпить пивка».

Когда-то я тоже пил пиво. Но тогда я не умел летать и был человеком.

В санитарной палате много народу. Некоторых я знаю давно. Они говорят, что прописались в этом месте навечно.

Обманывают. Побывав в космосе, невозможно однозначно утверждать, что на земле есть хоть что-нибудь вечное. Те, кого я вижу в первый раз, говорят, что временные. Тоже врут. Нет ничего более постоянного, чем временное.

Пока наивные занимаются другими, я делаю вид, что выдавливаю воду. Потом изображаю, что умываюсь. Практически всегда это удаётся. Главное, во время этих манипуляций, не затопить граммофон. Иначе он орёт и заикается, как заезженная пластинка, и люди начинают пристально следить за мной. А я так боюсь воды.

На выходе сделают инъекцию. После неё свет перестаёт вонять, и нижняя часть тела исчезает. Я радостно взмахиваю руками, словно крыльями, прячу прищепку в карман пижамы, и до завтрака буду порхать по коридору, пока аминазин (так говорят люди), не начнёт пробиваться в поры печёнки. Потом нижняя часть появится, а верхняя, наоборот, исчезнет. Я ещё не научился производить пушинки из ног, но могу оставлять их внизу, и в нужный момент соединятся.

Сегодня подают серое вещество, сделанное из растения, которое едят домашние скотины. Они ещё возят телеги и ходят впереди плуга. Я склоняюсь над своей тарелкой, ставлю по бокам локти и опускаю в вещество ложку. Прищепка снова на моём носу, иначе, Пух не сможет продержаться и нескольких мгновений. Зачерпнув что-то в тарелке, я быстро подношу ко рту и также внезапно опускаю. Делаю это несколько раз, пока в веществе не появляются карие глаза

соседа. Они мне подмигивают и это условный знак. Я поднимаю левый локоть, он ловко выдёргивает мой завтрак и подсовывает свою пустую миску. Я выливаю туда чай и иду к столу для грязной посуды. Кажется, никто не заметил. Это добрый знак. Необходимо попробовать реализовать свою задумку сегодня.

Улыбнувшись людям, я сказал, что сам дойду до палаты. И тут же нырнул в ухо наивному. Как я и ожидал, несколько шариков стукнулись друг о друга, и тускло завоняли.

Наивный никогда не слышал, чтобы я просто разговаривал, а не распевал слова. Поэтому из пор кругляшков посыпалось нечто бесцветное, дальше оловянная стружка, и всё завертелось по-прежнему.

Я сделал несколько шагов, тщетно стараясь не отрываться от ног больше чем на несколько сантиметров. Очевидно, это получилось. Наивный шёл сзади, освещая дорогу запахом перегара. Ему это нравилось — просто шагать, а не придерживать мои крылья.

Койка подбрасывает Пуха до потолка, но наивный не видит этого. Я вцепился ногами в покрывало и даже сделал вид, что проминаю пружины. Добрый человек ухмыльнулся, оценивающе посмотрел на Бура и вышел, захлопнув дверь. Мы остались одни.

Наконец-то я мог не притворяться! Ремни не скручивают тело, Бур не храпит, лампочка выключена. Сегодня на небе тучи, поэтому цвет нейтральный и можно сделать несколько

кругов по палате. Конечно, под потолком. Правда, для этого нужно закрыть глаза, но я давным-давно прекрасно ориентируюсь без них. Нет, надо попытаться сегодня...

— Бур, — тормозит Пух соседа, левитируя над его постелью. — Бур, приди в себя.

— Бур-р-р — повторяет он за Пухом и вздрагивает. Одно веко начинает пугливо подниматься, отчего другая половина лица морщится, а рот растягивается в полу ухмылке.

— Бур! — внятно выговаривает он и почему-то поворачивается к моей кровати, хотя Пух парит прямо над ним. Да, он же не может **видеть!** Пух опускается на тело и повторяет.

— Бур, очнись.

— Зачем? — сонно спрашивает сосед.

— Тебе надо встать вертикально.

— Зачем?

— Мы сможем уйти отсюда.

Остатки сна ртутными каплями стекают с его лица на наволочку, и Бур испуганно повторяет.

— Для чего?!

— Тебе не надо бояться. Я уже говорил, что если ты пройдёшь всю землю насквозь, то станешь таким же лёгким, как я.

— Ради чего?

— Ты хочешь летать?

— За... Хочу! — Другое веко соседа моментально открывается. — Но я тяжёлый...

— Тебе нужно пройти сквозь землю. Сквозь всю планету. Тогда ты станешь лёгким и полетишь.

— Не хочу под землю. Там горячо. Там нет таблеток. Только «сера».

Пух пытается отыскать убедительные аргументы, но в коридоре слышатся громкие шаги. Так могут ходить только люди. Они даже не задумываются, как громыхают их ноги. Пух прячется в меня и замирает.

Это хитроумные с обходом. Они пришли с коварными планами относительно моей свободы, всем своим видом показывая, что она целиком и полностью зависит только от них.

И снова я искусно притворяюсь, лукавлю, хитрю и обманываю. Нет, кошмары не причиняют физические страдания... Да, стул нормальный, оформленный... Когда было полнолуние? Не обращал внимания... Дистонических явлений нет...

Всё это суета и бред. Нас смело можно менять местами, и, клянусь, никто этого не заметит!

Они пытаются Бура, который спит и отвечает во сне. Хитроумные гримасничают, что-то записывают и довольные уходят поступью средневековых рыцарей.

Здесь же Пух взмывает над Буром.

— Бур, вставай.

Сосед, успокоенный галоперидолом и циклодолом, с парочкой таблеток феназепамы, нем, глух и слеп. Пуха охватывает отчаянье, и он зависает в изголовье Бура.

Глядя на морщинистые веки соседа, Пуха осеняет — нужно прилететь в сновидение Бура и уговорить его там. Пух никогда этого не делал, но попробовать стоит.

Сосредоточившись на глазах Бура, Пух пытается уловить флюиды сновидения. Ничего нет. Может, надо переместиться к груди? Тоже нет. К макушке головы? А что, если к солнечному сплетению? Здесь же вихри сна захватывают Пуха и, не дав опомниться, быстро увлекают внутрь.

Не успев притормозить, Пух проскальзывает сквозь сон соседа и оказывается в галлюцинациях другой палаты. Во сне Певца много ярких и весёлых красок. Они источают запах утренней свежести. Похоже на детский сад. Младенцы со взрослыми лицами играют в паровозик. Певец наблюдает со стороны. Он не удивлён моему появлению и, кажется, видит два сна одновременно.

Пух разворачивается и возвращается к Буру. Но за те мгновения, пока он отсутствовал, сосед поменял сон. Или сон нашёл кого-то другого.

Пух облетел видения всех пациентов и на последнем нашёл Бура.

— Меня зовут Виктор, — сказал помолодевший, ещё не лысый Бур, обнимающий за осиную талию статную брюнетку. — А её Анна.

— Бур, — встревожился Пух — поищи сон, где мы можем поговорить.

— Зачем? — удивляется Витя и нежно целует брюнетку

в ямочку между ключиц. — Это восхитительная реальность. Я не хочу её менять.

— Бур, — молит Пух, — ты же хотел летать, Бур!

Брюнетка превращается в обнажённого негра, задний план свёртывается, и мы оказываемся в чёрном сне.

— Ты меня видишь? — испуганно спрашивает сосед.

— Нет, но хорошо слышу.

— Я боюсь.

— Тебе не надо бояться.

— Чёрный сон — удел людей.

— Мы просто поговорим и уйдём отсюда.

Бур молча борется со невротическим страхом.

— Бур, — зовёт Пух.

— Да!

— Ты скоро проснёшься. Не давай себе опомниться. Вставай вертикально и силой проходи сквозь землю. Только так ты сможешь самостоятельно научиться летать.

— Я обожгусь, — слабо сопротивляется Бур.

— Если ты не полностью выйдешь из сна, ничто не сожжёт и не заморозит тебя. Бур, я был в космосе. Поверь, нет ничего прекраснее.

— Я хочу... Я буду... — Сосед Пуха всхлипывает. — Я готов.

— Считаем вместе до трёх, и ты постепенно выходишь из сна.

— Сейчас, сейчас, — торопливо произносит Бур, но тем-

нота уже рассеивается, пропуская нечёткие контуры зарешеченного окна палаты.

Пух цепляется за подоконник руками и смотрит, как Бур поднимается. Металлические лопасти соседа покидают сознание и, вращаясь, опускаются до уровня живота. Здесь они становятся шнеком, который проваливается ниже, и, закручивая ноги, медленно буравит пол. Бур поворачивает голову вправо, плотно прижимает руки к туловищу, размалывая паркет, бетон и арматуру. Ничто не может противостоять такой мощи.

Пух понимает, что у него нет шансов последовать за металлической машиной. Если его не придавят отлетающие куски породы, то огонь поглотит невесомую плоть. Оттолкнувшись, Пух подлетает к графину, наполняет рот ненавистной водой и ныряет вслед за соседом. Бур плотный. Очень сложно найти лазейку среди цельных частей сплава. Но Пух замечает слегка отогнутый мизинец и проскальзывает у его основания. Внутри Бура всё вибрирует. Вал, по которому стекает густое зелёное масло, вращается с бешеной скоростью, и Пух, прижимаясь к вольфрамовым стенкам, изредка соскальзывая, ползёт вверх, по паучьи судорожно цепляясь за любой выступ. Немыслимый шум, многократно усиленный замкнутым пространством, заставляет выворачиваться наизнанку, но булькающая во рту вода, неожиданно помогает — заглушает запахи извне.

Лёгкие Бура наполнены зелёной жидкостью, по которой

можно плыть. Она толкает Пуха к голове, выдавливая в сознание — относительно спокойное и безопасное место. Мысли соседа направлены на единственное действие — поворот головы, поворот головы, поворот головы... они шариками скользят сверху вниз, и Пух устраивается возле смотрового окна, недалеко от красной кнопки.

Бур уже прошёл бетонное основание дома, разметал перегной костей и булыжников, разогнал болотистую жидкость и вгрызлся в слой глины. Порода прилипает к шнеку, поэтому изредка, сверху обрушивается короткое: «Пх — х!» и всё лишнее сдувается с острых поверхностей.

Когда попадаются подземные потоки магмы, Пух, поднимая веки, смотрит на оранжевые всплески пламени. Его сосед накаляется докрасна, лампочка в центре сознания заливается тревожным малиновым цветом, и Пух выпускает несколько капелек воды. Она прикасается к обжигающим стенкам, которые из вольфрамовых становятся титановыми. Бур наклоняет голову, и ядро планеты остаётся справа. Фантастическая машина-Бур обходит его по дуге, с тупым упорством проламывая себе путь. Пух мечется по сознанию, брызгая жидкостью изо рта, а когда и её не остаётся, то плюёт на самые раскалённые места.

Когда слюна кончается, Пух замечает, как стенки Бура снова приобрели вольфрамовый оттенок, огненные блики за смотровым окном исчезли внизу, а по равномерному вращению вала, становится понятно, что долото снова грызёт ка-

менную породу. Потом всплеск воды. Слой мягкого грунта, снова всплеск и резкий головокружительный подъём.

Пух вцепился в размягчающиеся стенки, но сильный поток воздуха вытолкнул его из надёжного убежища, и солёная вода, проникая во все поры и отверстия, окружила двух путешественников.

Пух забарахтался в непривычной среде, молотя руками и ногами. Он хватал ртом воздух, кричал и плевался, но через какое-то время утонул, проваливаясь в блаженное беспмятство...

— Пу-х-х! — Я открыл глаза, и жёлтые блики сформировались в зависшее над островом солнце. — Я думал, ты меня оставил, Пух!

Низкий лысеющий мужичок, со всеми признаками неврастеника сидел в двух шагах, прислонившись спиной к пальме.

— Меня зовут Юрий, — представился я незнакомцу и попытался сесть. Голова закружилась, солнце опрокинуло пальму и меня вырвало прямо на песок. Сразу полегчало, но очень захотелось есть.

— А меня — Витя, — обрадовался неврастеник. — Слушай, Пух, слетай на дерево, нарви бананов.

Для полного счастья мне не хватало только законченного идиота. Он думает, что сидит рядом с птицей. Я нормальный, подающий надежды программист, от которого ушла же-

на, бросила любовница, и предал друг. Но это не значит, что я... душевнобольной?! Или был им...

— Витя, я не умею летать.

— Как же так, Пух... То есть Юрий. Ты же обещал в космос! Мы с тобой должны...

— Витя, люди не летают. Они не приспособлены к полётам. Это знает каждый нормальный человек.

— Тогда зачем мы прошли сквозь землю?

— Мы не могли пройти сквозь землю.

— Тогда как мы оказались здесь?

Действительно, как? Огненная лава, глина, вода — неужели всё это могло присниться? И полосатая пижама. На мне больничная пижама и тапка. Второй я, очевидно, потерял в океане. Но этого не может быть! Абсурдно, нереально.

— Витя, мы, наверное, немного больны, но это не значит, что нужно потакать своей болезни. Надо бороться с галлюцинациями.

— Я понял. — Витя посмотрел на небо. — Я всё понял. Ты Юрий. А Пух остался во мне.

Он раскинул руки, неумело ими взмахнул и... полетел. Сначала покачиваясь и проваливаясь в воздушные ямы, Витя поднялся к верхушке пальмы, сорвал гроздь бананов и кинул их мне под ноги. Потом крикнул: «Выше, Пух!», махнул рукой и, взмыв к облакам, исчез из виду.

Я ошарашенно смотрел ему вслед. Один. Совершенно нормальный, на необитаемом острове, в пижаме... От этого

можно сойти с ума. Я рассмеялся. Я заржал, как табун коней!

Белые обезьяны, привлечённые моим смехом, робко вышли из ближайших зарослей и отобрали у меня бананы. Но я смеялся им в морды. Тогда вожак метнулся в кусты и выволок несколько лиан. Они связывали моё тело, но я всё равно смеялся. Бур улетел! Умчался вместе с Пухом, оставившим на острове пустую оболочку. Это не может быть не смешно.

Хохот раздражал волосатых млекопитающих, и они карябали мои вены, выкрикивая обезьяньи слова:

— Аминазин, — скулили одни. — Левомепромазин.

— Галоперидол, сибазон, — отвечали другие, а я захлёбывался в смехе.

Я знал, меня скоро съедят, но они не ведали, что сожрут пустую оболочку. Пух улетел. Он свободен и нашёл друга. Там, куда они улетели не будет обезьян, добрых людей и людей вообще. И знать это было истинным счастьем, гораздо большим, чем возможность просуществовать ещё несколько никому не нужных лет.

День моего рождения

Шестнадцатый день седьмого месяца тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, выдался на редкость тёплым и солнечным. Заря, умыв спелыми росами разомлевшую радугу, открыла небесную калитку и выпустила своего любовника — солнце, одарив на прощанье жгучим поцелуем. И словно в старых стихах неизвестного мне автора, начинавшихся строфой:

"Чтобы не было грустно заре,
По утрам подниматься одной,
Я, укутавшись тишиной,
Рано-рано стоял во дворе..."

Стоя босыми ногами на влажной, в мелких лужицах, просёлочной дороге, я подглядывал за их расставанием, воспринимая это как подарок. Дар к моему шестнадцатилетию.

Может быть, эта картина, по прошествии стольких лет, была бы изгнана из моей памяти, но события, произошедшие в тот же вечер, навсегда запечатлели её в моём сознании. Улыбка зари... Именно она соединяет меня с тем, что многие годы тревожит и заставляет переживать заново день рождения, когда я впервые прикоснулся к губам девушки и почувствовал...

Её звали Ириной.

Она была на триста восемьдесят пять дней моложе меня. Это я вычислил позже, увлѳкшись нумерологией. Тогда же мы сошлись на том, что она младше на год и ещё чуть-чуть. Это «чуть-чуть» делало меня значительно старше, что нас устраивало.

Эх, юность, юность... Самонадеянная и презирающая всё, что выходит за рамки чувств. Мы любили друг друга. Мы любили друг друга давно и взаимно. И она навсегда останется моей первой любовью. Чистой и, к сожалению, непорочной.

Я не помню комаров, в **тот** вечер. Может, они уже тогда знали то, до чего я только-только додумываюсь. Или я фантазирую?

Но сегодня я, как всегда в этот день, занавесив окно и выключив телевизор, вспоминаю...

Мы стояли на берегу реки под хрупкими ветками ивы и смотрели друг другу в глаза. Конечно, будь здесь кто-нибудь из моих товарищей детства, я бы ни за что не признался в своём тогдашнем замешательстве, поскольку много раз бесстыдно врал о своих мнимых победах. Потому что хотел быть похожим на всех.

И ещё боялся выглядеть иным, вышедшим из когорты с рождения приговорѳнных к смерти.

Мы были одни и чувствовали, **что** сейчас сделаем. Мы дрожали от собственной решительности и неотвратимо

сближались. Когда губы соприкоснулись, жгучая волна страсти, любви и желания, разлилась по нашим телам. Она поднималась с нижней части живота, наэлектризовывала волосы головы и падала по позвоночнику, закружив сознание в устрашающем круговороте. Я перестал чувствовать своё тело. Откуда-то сверху, я созерцал, как запылали сиянием холодные деревья, река слилась с берегом, коралловая трава протягивала бледные нити к огненным завихрениям воздуха, а звёзды наверху слились в задумчивые, наблюдающие за происходящим зрачки. И толща земли, обнажив себя до сердцевины, открыла тёмный силуэт, прикованный цепями, со вселенской грустью в провалах красно — искрящихся глаз.

Я видел, как в центре этой фантазмагии два юных тела сливались в поцелуях. Как руки юноши нежно прижимали к себе девушку, опускаясь по изгибу всё ниже и ниже. Одна половина моего «я» знала — времени не существует, ибо нет ничего в этом мире, что могло бы рождаться и умирать, а другая чувствовала тепло податливого тела, впитывала запах кожи, задышалась в мягкости волос и желала слияния.

Ладонь, чуть задержавшись на оборке ситцевого платья, спорхнула с него, дотронувшись до бедра девушки и, боясь, что она может исчезнуть, рывком поднялась, обхватив мякоть под кружевными трусиками. И, почувствовав напряжение мышц, растерянно застыла...

Ирина посмотрела на меня широко раскрытыми глазами

и прошептала: "Не надо..."» И две половинки моего «я» соединились в одно. Я почувствовал свои вспотевшие ладони, увлажнённые губы, бешено колотившееся сердце и... отступил. Привычный и реальный мир окружал нас. Мы пристально смотрели друг на друга, а потом одновременно отвели взгляд.

Уже много позднее, проснувшись среди ночи, я понял, **что потерял** тогда. И, глядя на собственное отражение в зеркале, не могу осознать единственное — почему именно я? Почему?! Неужели никто другой не мог...

Мне никогда не найти ответ.

Мы расстались.

И больше не встречались.

Но с того дня рождения у меня ничего не получалось в жизни. Словно счастье и удача, сговорившись, обходили стороной неудавшегося любовника. Будто кто-то сильный и властный не доверяет мне любить и быть любимым...

Каждое лето в середине июля я чувствую тяжесть прожитых лет. Вглядываясь в прозрачный, насыщенный запахом ночных фиалок воздух, я пытаюсь отыскать спасение из плена постоянного одиночества. Но чуда не происходит.

А иногда, в непонятной мне последовательности, я слышу два голоса. Диалог всегда один и тот же. И порой я сомневаюсь — не сам ли придумал всё это? Но как бы ни старался, не могу прервать их.

— Ты всё ещё думаешь, что они достойны плода с дерева

познания Жизни? — спрашивает тот, чьи зеницы содержат в себе сиянье всех звёзд.

— Я надеюсь на это. — Отвечает укутанный во тьму, звеня цепями. — Иначе, зачем ты дал им жизнь?

— Я ничего не давал, кроме мгновения существования. И не дам, пока не увижу, что все достойны большего.

— Кто может быть судьёй тем, кто никогда не видел большего и не знает его величия? Ты соединил прах со Светом, вправе ли ты требовать его очищения?

— Вправе. Ибо я судья. Ты прекрасно знаешь это. Но они не ведают чего хотят. Их сомнения и нерешительность не могут войти в вечность. Прах должен остаться прахом. На этот раз я сам выберу кого-нибудь, и мы посмотрим, чему они научились.

— Ты играешь жестоко.

— А ты нечестно. Мне не нужны мученики и святые, если они не заливают чужие души крупинками Света. И ты не освободишься до тех пор, пока Свет не победит прах.

— А если прах победит Свет?

— Мне всё равно. Я не тороплюсь. Это решать им. И тебе, раз это твоё княжество.

Они смотрят. Они видят, что двое непорочных хотят слияния, но нерешительность охватывает обоих. Снова рушится мир единства, дробясь на мелкие кусочки. И Вечность делится на время, где прошедшее похоже на будущее, но не едино.

А я, сидя в кресле, плачу. Я понимаю, что: «не надо» — только слова, и лишь моя нерешительность наполнила небеса равнодушием, а недра земли — тоской. Я стал бояться женщин. Они, чувствуя мой страх, сторонились меня.

Один знакомый, с которым мы изредка играем в шашки, по профессии — психиатр. Выслушав мой рассказ, объяснил, что паранойя — очень опасная болезнь. В тихой форме она трудно распознаётся. После чего, доверительно наклонившись, поведал, что сам всегда прислушивается к голосу, покровительствующего ему Пифагора. И только посоветовавшись с ним, назначает пациенту курс лечения. Затем мы начали новую партию.

И теперь, продолжая двигаться по жизненной колее инерционно, часто мысленно возвращаюсь в юность, стараясь прожить тот отрезок заново. Если бы мы слились тогда... Умерли бы? Расцвели одним из лепестков золотого Лотоса на краю Вечности, соединив желание и воплощение? Разошлись по домам, испытав физическую боль и сладость обладания, стряхивая с одежды прилипшую траву? Сохранили бы мы любовь, наполнившись Светом... или прахом...

Может, я всё выдумываю, и нет никаких голосов и тоски в зрачках потусторонних Властителей. Может, нет ничего, что выходит за рамки реальности...

Но я точно знаю, что шестнадцатое число седьмого месяца тысяча девятьсот шестьдесят девятого года навсегда отложило отпечаток на всю оставшуюся жизнь, от которой оста-

ЛОСЬ НАМНОГО МЕНЬШЕ ПОЛОВИНЫ.

Прометей

Он стоял в лучах оранжевого, как апельсин, солнца и держал в руках каменную чашу. В ней под порывами ветра адели угольки сандалового дерева.

— Это очень опасный и хитрый зверь, — говорил он мужчине и женщине, стоявшим напротив. — И может принести много бед, если кормить его беспорядочно. Но того, кто ухаживает и следит за ним, огонь обогреет ночью, даст свет в сумраке пещеры, а мясо, опалённое его жаркими клыками, приобретёт мягкость и сочность... Забирайте его и пользуйтесь вовеки. Это мой подарок. — Он сделал шаг вперёд.

Мужчина и женщина отступили, но, вспомнив промозглую сырость и постоянно пугающий мрак, вернулись. Женщина взяла чашу и, взглянув на угли, спросила:

— Кто ты, господин укрощённого зверя?

Незнакомец гордо вскинул голову и ответил:

— Я Прометей...

По земле пронёсся ураган, обрушивая вершины гор. Вода, вышедшая из берегов, затопляла леса и пещеры. Извергались вулканы, выбрасывая лаву и горячий пепел. Слепая ярость душила Зевса, и не было ей предела.

Боги ждали Громовержца на утёсе Познания. Их сияющие лики выражали печаль и растерянность. Все понимали, что

случилось неисправимое и многое теперь будет совсем по-другому.

Зевс вошёл стремительной поступью, отбросил в сторону пустой колчан и опустился на излюбленное место — высокий трон из вековой гигантской секвойи. Окинув собравшихся угнетающим взглядом, он осведомился:

— Что будем делать, Боги?

Ответом служило глубокое молчанье.

— Владыка, — выступил вперёд мрачный Аид, — может, сто́ит выпустить Лету, и люди все забудут?..

Зевс покачал убелённой головой.

— Тогда они пропадут наверняка, потому что станут беспомощнее младенцев. — Он надолго замолчал. — Нам придётся открыться людям... — Произнести это было тяжело, но иного выхода он не видел.

— Позовите его, — распорядился Зевс.

Сын Фемиды спокойно и гордо взошёл на скалу. Он теперь ничего не боялся.

— Для чего ты сделал это? — тихо спросил Зевс.

— Я хотел помочь людям, Владыка.

— Ты хотел помочь?! Ты издеваешься надо мной?

— Кто может шутить над Владыкой богов? Я хотел прийти на выручку...

— А мы, Прометей, неужели не желаем?.. Но мы направляем их на достоверный путь развития. Слышишь, на верный! А что теперь? Не знаешь?! Так я скажу тебе, сопляк!

— Зевс вышел из себя. — Отныне люди знают, что есть кто-то сильный и могущественный, который может просто так взять и даровать. Что угодно. И будь уверен, зародятся те, кто будет просить постоянно, днём и ночью, каждый день без остановки. Вместо того чтобы развиваться, искать, созидать и творить... — Зевс помолчал. — Сколько раз я посылал молнию в сухое дерево. Они боялись подойти, но раз за разом страх проходит. Ещё бы немного и они сами — сами — взяли огонь...

— Можно больше не появляться. — Тихо вставил Прометей.

— Тогда они будут просить обо всем, полагая, что их не слышат! — возгласил Зевс. — Уже есть просящие, к которым придётся приходить. Они будут посредниками между нами и людьми. И очень скоро появятся храмы и вероисповедания. Люди станут воевать не за кров и пищу, а за веру. И знаешь, что самое страшное? Мы станем такими, какими они захотят видеть нас — злыми и беспощадными, снисходительными и гневными. А они будут чувствовать себя маленькими и ничтожными. Вот что ты подарил всем нам, глупец... Что будем делать, боги?

Молчали боги. И мать Прометея молчала, хотя многое знала наперёд.

Зевс поднялся и подошёл к Прометею.

— Я изгоняю тебя со скалы Познания. Высылаю на сотни лет в дальние недоступные горы, чтобы ты не навредил

кому-нибудь ещё. Мой орёл, будет приносить тебе пищу и воду. Ступай...

И разошлись боги, томимые печалью. А Прометей, оставшись один среди гор, высоко поднял курчавую голову и громко рассмеялся.

«Глупые боги, — думал он, — они знают, что мы всего лишь плод воображения людей и все зависим от него. Но не понимают, что воображением можно управлять. Пройдёт время и человечество создаст новых, более могущественных богов, и все жители Олимпа превратятся в прах, и только я — Я! — останусь в памяти человечества навечно»!..

И сотрясал горы нечеловеческий хохот, переплетаясь с клёкотом старого и умного орла. И люди, воздвигая храмы, слышали многократное эхо, и придумывали легенды о благородном Прометее и злом всемогущем Зевсе.

История о духе и теле

Волхв сидел возле огнища, ведая, что кончина идёт к нему осторожной, почти невесомой поступью. Огонь призрачно покоился над еловыми, ещё нетронутыми ветками, задумчиво рассматривая старца.

Они вели разговор.

«Я обязательно передам ему всё, что познал сам и услышал от тебя». — мысленно говорил волхв.

Огонь замерцал фиолетовыми вспышками, радуясь взаимопониманию.

«Он должен понять. Человек будущего будет одарённый и чистый...»

Костёр полыхнул жёлтым, сомневаясь.

«Они скоро придут... Ты примешь меня? Боги простят. Боги мудрее, чем люди.»

Пламя заискрило синими отблесками, выражая благо воссоединения и преклонения перед богами.

«Мы сообща будем дожидаться своей участи. Все шестеро.»

Семь цветов заискрились на кончиках огненных язычков.

«Но ведь он ещё не пришёл в этот мир!»

Колыханье лепестков усилилось не соглашаясь.

«Хорошо, хорошо... Всемером... Я слышу шаги смерти! Это они. Да помогут мне боги!»

Синий огонь пронзил ветки и осветил сумерки вспышками обычного костра...

— Здесь он. — Тонкий, с хрипотцой голос нарушил дремлющую тишину, и возмущённое уханье совы эхом пронеслось над лесом.

— Взять колдуна! — кони остановились, едва не растоптав неподвижного волхва.

— Боязно, боярин... Говорят, он смерть накликать может.

— Плётки моей бойся, смерд. Я сказал: взять! Плаху обагрить желаешь?! — Опричник, размахнувшись, ударил плетью по спине старца. — Пададь.

Коротко взвизгнув, плеть ткнулась в мешковину и отскочила обратно, чуть не задев морду всхрапывающего жеребца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.